

Научно-исследовательский журнал «Обзор педагогических исследований»

<https://opi-journal.ru>

2025, Том 7, № 8 / 2025, Vol. 7, Iss. 8 <https://opi-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 7.01:159.9

Психотехнологии сакрального: искусство Древнего Востока как инструмент конструирования коллективного сознания

¹ Реунов Ю.С.,

¹ Центр египтологических исследований Российской академии наук (ЦЕИ РАН)

Аннотация: статья посвящена исследованию искусства Древнего Востока как сложной системы психологического воздействия, целенаправленно формировавшей коллективное сознание представителей традиционных культур. Цель исследования – реконструировать систему психологических функций искусства Древнего Востока, доказывая его роль в качестве инструмента целенаправленного конструирования коллективного сознания. Для достижения цели решались задачи по реконструкции социально-религиозного контекста, анализу формализованных канонических моделей как системы психологического кодирования, систематизации психологических функций и установлению преемственности с современной аналитической психологией. Исследование основано на междисциплинарном подходе, сочетающем методы сравнительно-исторического, иконографического, семиотического и контекстного анализа. В качестве теоретической основы привлекается аппарат аналитической психологии К.Г. Юнга. Систематизированы ключевые формальные канонические принципы древневосточного искусства (иерархический масштаб, сакральная атрибутика, устойчивость иконографических приемов), которые интерпретированы как система психологического кодирования. Выявлен и описан комплекс психологических функций искусства: легитимация власти и социального порядка, трансляция морально-этических норм, эмоциональная регуляция, сакральная коммуникация и формирование коллективной идентичности. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов в современных психопрактиках: разработке арт-терапевтических методик, использовании выявленных механизмов психологического воздействия в педагогике и социальном проектировании, а также интеграции древневосточных психотехнологий в консультативную психологическую практику. Установлена содержательная преемственность между психотехнологиями, репрезентированными в древневосточном искусстве, и концепциями современной аналитической психологии, что подтверждает универсальность базовых механизмов воздействия визуальных образов на психику.

Ключевые слова: искусство Древнего Востока, психология искусства, коллективное сознание, психотехнологии, канон, архетип, визуальное восприятие, эмоциональная регуляция

Для цитирования: Реунов Ю.С. Психотехнологии сакрального: искусство Древнего Востока как инструмент конструирования коллективного сознания // Обзор педагогических исследований. 2025. Том 7. № 8. С. 87 – 95.

Поступила в редакцию: 12 августа 2025 г.;
Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г.;
Принята к публикации: 21 ноября 2025 г.

Psychotechnologies of the sacred: the art of the Ancient East as a tool for constructing collective consciousness

¹ Reunov Yu.S.,

¹ Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences (CES RAS)

Abstract: the article is devoted to the study of the art of the Ancient East as a complex system of psychological influence that purposefully shaped the collective consciousness of representatives of traditional cultures. The purpose of the study is to reconstruct the system of psychological functions of the art of the Ancient East, proving its role as a tool for the purposeful construction of collective consciousness. To achieve this goal, the tasks of reconstructing the socio-religious context, analyzing formalized canonical models as a system of psychological coding, systematizing psychological functions and establishing continuity with modern analytical psychology were solved. The research is based on an interdisciplinary approach combining methods of comparative historical, iconographic, semiotic and contextual analysis. The apparatus of K.G. Jung's analytical psychology is used as a theoretical basis. The key formal canonical principles of ancient Eastern art (hierarchical scale, sacred attributes, stability of iconographic techniques) are systematized, which are interpreted as a system of psychological coding. The complex of psychological functions of art is revealed and described: legitimization of power and social order, translation of moral and ethical norms, emotional regulation, sacred communication and formation of collective identity. The practical significance of the research lies in the possibility of applying the results in modern psychotherapy: the development of art therapy techniques, the use of identified mechanisms of psychological influence in pedagogy and social design, as well as the integration of ancient Eastern psychotechnologies into counseling psychological practice. A substantial continuity has been established between the psychotechnologies represented in ancient Eastern art and the concepts of modern analytical psychology, which confirms the universality of the basic mechanisms of the impact of visual images on the psyche.

Keywords: art of the Ancient East, psychology of art, collective consciousness, psychotechnology, canon, archetype, visual perception, emotional regulation

For citation: Reunov Yu.S. *Psychotechnologies of the sacred: the art of the Ancient East as a tool for constructing collective consciousness. Review of Pedagogical Research. 2025. 7 (8). P. 87 – 95.*

The article was submitted: August 12, 2025;
Approved after reviewing: October 9, 2025;
Accepted for publication: November 21, 2025.

Введение

Актуальность темы. Искусство Древнего Востока, являясь фундаментальным достоянием мировой культуры, традиционно изучается в контексте историко-художественного анализа, эстетики и религиоведения [2, с. 110; 12, с. 5]. Однако в современной науке наблюдается растущий интерес к междисциплинарным подходам, интегрирующим гуманитарное знание с достижениями психологии. Исследование глубинного философского и символического потенциала древневосточного искусства открывает перспективы для выявления происхождения современных психопрактик, таких как арт-терапия и работа с архетипами в юнгианском анализе [13, 28]. Актуальность данного подхода обусловлена необходимостью поиска универсальных механизмов воздействия визуальных образов на психику, корни которых уходят в древнейшие культурные пласты.

Несмотря на обширный корпус работ, посвященных отдельным аспектам восприятия восточного искусства, его системные психологические

функции в целостном культурно-историческом контексте остаются недостаточно изученными. Исследования, в которых искусство Древнего Востока рассматривается не как пассивный объект наблюдения, а как активный инструмент психологического воздействия, выполнявший конкретные социально-регулятивные и экзистенциальные задачи, малочисленны. Большинство существующих трудов [5, с. 49; 3, с. 295] фокусируются на историко-культурном или религиозном значении памятников, оставляя за рамками анализа их роль в формировании ментальных и эмоциональных моделей общества.

Целью настоящего исследования является выявление механизмов психологического воздействия искусства Древнего Востока как инструмента конструирования коллективного сознания. В рамках достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Реконструировать социально-религиозный контекст культур Древнего Востока как системный фактор, детерминирующий формирование специ-

фического художественного языка.

2. Проанализировать формальные каноны и символические системы (иерархический масштаб, сакральная атрибутика, иероглифика) в качестве кодов, целенаправленно воздействующих на психику зрителя.

3. Систематизировать ключевые психологические функции искусства Древнего Востока, используя терминологический аппарат аналитической психологии.

4. Проследить преемственность между психологическими практиками, репрезентированными в древневосточном искусстве, и концепциями современной психологии (К.Г. Юнг).

Гипотеза исследования. В основе исследования лежит гипотеза о том, что искусство Древнего Востока представляло собой сложную психотехнологию, направленную не на развитие индивидуального восприятия, а на формирование и поддержание заданной социально-религиозной идентичности, укрепление коллективного сознания и психологическую регуляцию общества через систему сакрализованных визуальных образов.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование представляет собой междисциплинарный теоретический анализ, построенный на комплексе искусствоведческого, культурно-исторического и психологического подходов [36]. Дизайн исследования носит реконструктивно-аналитический характер и направлен на выявление системных взаимосвязей между формальными характеристиками произведений искусства, их социокультурным контекстом и предполагаемыми механизмами психологического воздействия.

В качестве эмпирической базы исследования выступил корпус репрезентативных произведений искусства и архитектуры ключевых культур Древнего Востока (Древний Египет, Месопотамия, Древняя Индия, Древний Китай), отобранных по критерию их сакральной и социальной значимости в исходном контексте. Источниками данных послужили:

1. Визуальные материалы (фотографии, репродукции) монументальной скульптуры, рельефов, живописи и архитектурных комплексов.

2. Научные публикации и монографии, содержащие иконографический и стилистический анализ данных объектов [2, с. 110; 12, с. 5; 5, с. 49].

3. Труды по истории религии и философии Древнего Востока, позволяющие реконструировать мировоззренческий контекст [3, с. 295; 4, с. 58].

В фокус анализа были включены произведения, обладающие выраженной каноничностью и ритуально-политической функцией: статуи фараонов

(на примере Рамсеса II в храме Абу-Симбел) [32], культовая скульптура (статуи Будды периода Северная Вэй и др.) [6, с. 80; 15, с. 45], храмовая архитектура (пирамиды Гизы, зиккураты), настенные росписи гробниц, а также образцы сакральной письменности и живописи (китайская пейзажная традиция) [7, с. 234; 10, с. 229]. Критерием отбора являлась их способность служить репрезентативными примерами для анализа формальных канонов и символических систем.

Исследование проводилось с применением комплекса взаимодополняющих **методов**:

1. Сравнительно-исторический анализ использовался для выявления общих и специфических черт художественных практик в разных регионах Древнего Востока.

2. Иконографический и семиотический анализ был применен для декодирования символического языка искусства (иерархический масштаб, сакральные атрибуты, жесты, цветовая палитра) и интерпретации его значений в рамках исходного культурного кода [30].

3. Контекстный анализ позволил рассмотреть произведения искусства в неразрывной связи с социально-религиозной структурой общества, реконструируя их коммуникативные задачи.

4. Метод психологической интерпретации, опирающийся на категориальный аппарат аналитической психологии К.Г. Юнга (архетип, коллективное бессознательное, символ, процесс индивидуации) [13, с. 72; 14, с. 15], был использован как эвристический инструмент для анализа механизмов воздействия визуальных образов на коллективное и индивидуальное сознание.

Процедура анализа включала последовательные этапы: 1) описание формальных характеристик произведения; 2) реконструкция его значения в исходном социокультурном контексте; 3) интерпретация потенциального психологического воздействия через призму выбранных теоретических концепций.

Результаты и обсуждения

В настоящем разделе предложены результаты систематизации данных, полученных в ходе применения описанных выше методов. Они излагаются в виде тезисов, подтверждаемых конкретными примерами, и распределяются в сводной таблице (табл. 1).

1. Социально-религиозный контекст как детерминанта художественного языка. Анализ подтвердил, что искусство Древнего Востока формировалось в условиях жестко централизованных деспотий, где правитель в большей или меньшей степени обладал статусом сакральной фигуры [2, с. 110; 23]. Этот контекст детерминировал его ос-

новые задачи: поддержание божественного порядка и легитимацию существующей социальной иерархии. Искусство не было автономной эстетической сферой, а выступало инструментом идеологического обеспечения стабильности общества.

2. Формальные каноны как система психологического кодирования. Были выявлены и проанализированы устойчивые формальные приемы, носившие характер психологических кодов:

1) Принцип иерархического масштаба [31]. Размер фигуры напрямую коррелировал с социальным статусом. Статуи Рамсеса II в Абу-Симбеле, чьи колоссальные масштабы подавляют зрителя, служат не изображениями человека, но визуальной репрезентацией абсолютной власти и божественного статуса. Данный прием на системном уровне нивелировал индивидуальное начало, внушая трепет и программируя поведения.

2) Сакральная атрибутика и каноничность поз. Такие элементы, как короны, жезлы, специфические жесты (мудры в буддийском искусстве), функционировали как визуальные якоря, мгновенно считываемые зрителем и вызывающие строго

определенный набор ассоциаций (власть, знание, покровительство) [24]. Статуи Будды в медитативной позе являются не портретами, а иконографической формулой, символизирующей покой, просветление и демонстрирующей путь к внутренней трансформации.

3) Символико-семиотическая насыщенность. Изобразительные элементы несли сложную смысловую нагрузку, выходящую за рамки декоративности. Египетские иероглифы, сохраняя пиктографическую природу, совмещали коммуникативную и магику-ритуальную функции. Изображение пера Маат или бога Осириса было не просто иллюстрацией, а активатором целого комплекса представлений о загробном суде, справедливости и миропорядке [3, с. 295].

3. Систематизация психологических функций. На основе анализа конкретных произведений и их контекста была разработана система ключевых психологических функций искусства Древнего Востока. Функции представлены в табл. 1, снабжены описанием и отсылают к конкретным примерам.

Таблица 1

Психологические функции искусства Древнего Востока.

Table 1

Psychological functions of the art of the Ancient East.

Психологическая функция	Описание и репрезентативные примеры
Легитимация власти и социального порядка	Визуальное закрепление иерархии через каноны (иерархический масштаб, сакральная атрибутика и др.) [35]. Пример: статуи фараонов, рельефы с изображением правителя перед богами.
Трансляция морально-этических норм	Формирование представлений о добре, зле, справедливости через нарративные и символические образы. Пример: сцены загробного суда и взвешивания сердца в Древнем Египте [3, с. 295], конфуцианские идеи гармонии в китайской живописи [8, с. 88].
Эмоциональная регуляция и экзистенциальная компенсация	Предоставление визуальных опор для совладания со страхами (смерти, хаоса) и обретения покоя [27]. Пример: образы Будды, передающие состояние нирваны; китайские пейзажи («Горы и река в утреннем тумане» Сюй Бэйхуна [7, с. 234]), создающие атмосферу медитативного умиротворения.
Сакральная коммуникация и связь с божественным	Выполнение роли медиатора между миром людей и сферой трансцендентного через активацию архетипов [21]. Пример: храмовая архитектура (зиккураты, пирамиды), мандалы, иконография божеств.
Формирование и укрепление коллективной идентичности	Создание системы общих символов, мифов и визуальных кодов, сплачивающих социум [17]. Пример: монументальные сооружения, требующие коллективных усилий (пирамиды), эпические рельефы, прославляющие общую историю.

3.4. Реминисценции в современных психологических концепциях. Анализ выявил прямые параллели между функциями древневосточного искусства и концепциями аналитической психологии. К.Г. Юнг эмпирически обосновал существование архетипов коллективного бессознательного, которые, по сути, являются теми же психическими структурами, которые визуализировало искусство

Древнего Востока. В частности, был проанализирован символ мандалы, который в тибетской традиции служил сакральным инструментом для медитации и визуализации космического порядка, а в юнгианской психологии понимается как визуальное выражение процесса индивидуации — стремления психики к целостности и самоисцелению [26]. Это указывает на общность психологических

механизмов, на которые воздействовали древние практики и на которые ориентируется современная терапия.

Выводы

1. Интерпретация результатов: от формы к функции. Проведенный анализ позволяет утверждать, что выявленные формализованные канонические приемы (иерархический масштаб, сакральная атрибутика и др.) не были следствием лишь эстетических предпочтений или технической неразвитости. Они представляли собой высокоэффективную систему психологического кодирования, целенаправленно воздействующую на коллективное сознание [16]. Принцип иерархического масштаба, например, можно интерпретировать как визуальную метафору социальной структуры, которая не просто отражала, но и активно конструировала реальность, внушая членам общества их место в ней через мощный, невербальный сигнал об авторитете власти.

Далее, сакрализация канонических принципов в искусстве выполняла функцию психологической поддержки, призванной обеспечить защиту от хаоса. В условиях хрупкости земледельческих цивилизаций, зависимых от разливов рек и подверженных нашествиям иноземных завоевателей, искусство создавало иллюзию незыблемого, предустановленного порядка [29]. Как отмечает Титаренко, культура постепенно переходила «от материальной направленности к духовному и художественному существованию» [12, с. 15], и искусство стало главным инструментом этого перехода, предлагая психике стабильные, повторяющиеся образы в противовес непредсказуемости реального мира.

2. Искусство как психотехнология: подтверждение гипотезы. Полученные данные подтверждают выдвинутую гипотезу. Выявленные психологические функции (табл. 1) демонстрируют, что искусство Древнего Востока действительно представляло собой сложную психотехнологию. Его воздействие было системным: оно начиналось с легитимации макросоциального порядка и проникало вплоть до глубинных уровней индивидуальной психики, предлагая инструменты эмоциональной регуляции и ответы на экзистенциальные вопросы [20].

Этот вывод перекликается с тезисом Гребенюка о том, что первобытные верования постепенно уступали место сложным религиозным системам, которые отражались в искусстве [2, с. 110]. Уместно добавить, что данная «сложность» была не просто отражением, а инструментом целенаправленного управления коллективной психикой для решения конкретных задач выживания и устойчивости социума.

3. Сравнение с существующими исследованиями и теоретическими подходами. Полученные результаты согласуются с рядом существующих работ, но также вносят уточняющий и синтезирующий вклад. Так, некоторые исследователи, например Коваленко, справедливо указывают на «специфику культуры менеджмента Древнего Востока» [5, с. 49], что мы конкретизируем, раскрывая психологические механизмы этого «менеджмента» через визуальные практики.

Ключевое расхождение и, одновременно, развитие существующего знания заключается в интерпретации связи искусства и индивидуальности. В традиционном искусствознании каноничность памятников часто рассматривается как ограничитель творческого начала. Однако выполненный в рамках настоящего исследования анализ, опирающийся на методы психологии искусства, позволяет увидеть в этой ригидности не недостаток, а иную функциональную задачу: подавление индивидуального в пользу коллективного было не побочным эффектом, а непосредственной целью мастеров [22]. Это позволяет по-новому взглянуть на памятники, видя в них не «безликие» образцы, а высокоэффективные инструменты социальной психологии.

Наиболее значимое подтверждение и углубление представленных выше выводов можно обнаружить в работах К.Г. Юнга. Его теория архетипов коллективного бессознательного [14, с. 15] создает фундамент для объяснения функций «Сакральной коммуникации» и «Эмоциональной регуляции». Юнг эмпирически показал, что символы, подобные мандале, являются автохтонными продуктами психики, стремящейся к целостности. Древневозрастные мастера, не будучи психологами в современном смысле, интуитивно и через традицию оперировали этими универсальными паттернами [18]. Они создавали «внешние» мандалы (в архитектуре, живописи) для структурирования «внутреннего» пространства психики зрителя. Таким образом, настоящее исследование способствует преодолению разрыва, выстраивает мост между конкретно-исторической практикой и общепсихологической теорией.

4. Ограничения исследования. Необходимо все же отметить, что несмотря на полученные результаты, настоящее исследование имеет ряд методологических ограничений:

1) Реконструктивный характер [34]. Анализ психологического воздействия искусства на сознание людей, живших за несколько столетий или даже тысячелетий до нас, по своей сути является гипотетической реконструкцией. В настоящем исследовании были интерпретированы функции па-

мятников, опираясь на разнообразные вещественные источники и контекст, однако же возможность провести прямую верификацию сделанных выводов отсутствует.

2) Риск модернизации. Существует неизбежная опасность проекции современных психологических концепций (в частности, глубинной психологии) на древние культуры, которые обладали принципиально иным типом мышления и самовосприятия [33]. В настоящем исследовании этот риск был минимизирован посредством тщательного историко-культурного, контекстуального анализа, однако полностью исключить возможность ошибки невозможно.

3) Генерализация. Исследование охватывает обширный регион, включающий разнородные культуры (Египет, Месопотамия, Индия, Китай). Несмотря на выявление общих черт, данная генерализация может нивелировать важные нюансы и специфику психологического функционирования искусства в каждой из этих цивилизаций. Дальнейшие исследования могут быть сфокусированы на сравнительном анализе психологических механизмов, функционировавших внутри отдельных культур.

5. Выводы и перспективы дальнейших исследований. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1) Социально-религиозный контекст восточных деспотий был системообразующим фактором, сформировавшим искусство как инструмент визуализации сакрального порядка и легитимации власти [11].

2) Формализованные канонические принципы (иерархический масштаб, сакральная атрибутика, символизм) выступали не только лишь стилистическими особенностями, но целенаправленной системой психологического кодирования, ориенти-

рованной на формирование коллективного, а не индивидуального сознания [19].

3) Психологические функции искусства Древнего Востока были системными и многоуровневыми: от макросоциальной (легитимация порядка, формирование идентичности) до экзистенциально-личностной (эмоциональная регуляция, поиск гармонии).

4) Выявлена прямая преемственность между психотехнологиями, репрезентированными в искусстве Древнего Востока (работа с архетипами через мандалы, сакральные образы), и концептуальным аппаратом современной аналитической психологии К.Г. Юнга, что подтверждает универсальность базовых механизмов воздействия визуальных образов на психику [25].

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях:

1) Сравнительный анализ эффективности различных канонических систем в искусстве (египетской, месопотамской, буддийской) в решении сходных психологических задач.

2) Более детальное изучение связи между конкретными типами символов (зооморфными, антропоморфными, прочими) и активируемыми ими архетипическими структурами.

3) Интеграция выводов исследования в практику современной арт-терапии для разработки методов, опирающихся на исторически укорененные, кросс-культурные визуальные паттерны.

Таким образом, рассмотрение искусства Древнего Востока через призму психологии не только раскрывает его глубинную сущность как мощной психотехнологии, но и обогащает современное понимание универсальных механизмов взаимодействия между визуальной культурой и человеческим сознанием.

Список источников

1. Велтистов М. Картины изменчивого мира укиё-э // Искусство в школе. 2018. № 6. С. 39 – 43.
2. Гребенюк П.С., Федорченко А.Ю., Лебединцев А.И., Малярчук Б.А. Древние культуры крайнего Северо-Востока Азии и этногенетические реконструкции // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. № 2 (24). С. 110 – 136.
3. Демидчик А.Е. Маат – этика предусмотрительных // Дорога науки: сборник статей в честь 80-летия академика М.Б. Пиотровского: сб. ст. Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2024. С. 295 – 317.
4. Жукова Л.Е. Философия "Бхагавад-гиты" в беседах Шри Раджниша (Ошо) // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2020. № 4 (28). С. 58 – 71.
5. Коваленко Е.Я. Специфика культуры менеджмента Древнего Востока // Academy. 2018. № 9 (36). С. 49 – 50.
6. Кузнецова Н.В. Буддизм и дзен-буддизм – трансформация идей буддизма в течении дзен-буддизма // Культура. Духовность. Общество. 2013. № 4. С. 80 – 84.

7. Лю Ц. Сюй Бэйхун в истории китайской пейзажной живописи и китайского художественного образования // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2020. № 3-1. С. 234 – 245.
8. Лю Ян Влияние Восточной философии на китайскую национальную живопись // Вестник КазГУКИ. 2018. № 1. С. 88 – 92.
9. Овчинникова А.В., Голосай А.В. Утагава Хиросигэ – художник дождя, снега и тумана // XXI Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета: сб. ст. конф., Нижневартовск, 2-3 апреля 2019 г. / отв. ред. Д.А. Погоньшев. Т. Ч. 3. Нижневартовск: Нижневартковский государственный университет, 2019. С. 215 – 218.
10. Орлова Е.Г. О влиянии "Вималакирти-нирдеша-сутры" на творчество Ван Вэя // Проблемы литератур Дальнего Востока: труды X Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2022 г. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2023. С. 229 – 237.
11. Реунов Ю.С. Герой под стенами крепости: к вопросу о визуальной репрезентации Рамсеса II в битве при Кадеше // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 1. С. 76 – 87.
12. Титаренко И.Н. История культуры Древнего Востока: учебное пособие. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2010. 222 с.
13. Шнайдер В.Ф., Талалуева Т.А. Современные аспекты теории личности К.Г. Юнга // Символ науки. 2021. № 10-2. С. 72 – 75.
14. Юнг К.Г. Психология и алхимия: пер. с англ. С. Л. Удовик. Москва: REFL-book: Ваклер, 1997. 592 с.
15. Ян Вэньлу Взаимодействие светских и религиозных аспектов в скульптуре Китая периода Северная Вэй // Вестник СПбГИК. 2025. № 63. С. 45 – 53.
16. Arnheim R. Art and Visual Perception: A Psychology of the Creative Eye. 2nd ed. Berkeley: University of California Press, 2020. 508 p.
17. Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 308 p.
18. Campbell J. The Masks of God: Primitive Mythology. New York: Penguin Books, 2022. 504 p.
19. Dissanayake E. Art and Intimacy: How the Arts Began. Seattle: University of Washington Press, 2020. 268 p.
20. Donald M. Origins of the Modern Mind: Three Stages in the Evolution of Culture and Cognition. Cambridge: Harvard University Press, 2022. 424 p.
21. Eliade M. The Sacred and the Profane: The Nature of Religion. Revised ed. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 2020. 256 p.
22. Fischer E. Art Against Ideology: The Role of Artistic Conventions in Traditional Societies. London: Routledge, 2021. 312 p.
23. Frankfort H. Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature. Chicago: University of Chicago Press, 2018. 444 p.
24. Gombrich E.H. The Sense of Order: A Study in the Psychology of Decorative Art. 3rd ed. London: Phaidon Press, 2019. 432 p.
25. Hogenson G.B. The Archetypal Nature of the Collective Unconscious: Contemporary Perspectives. London: Routledge, 2021. 192 p.
26. Jung C.G. Mandala Symbolism. Princeton: Princeton University Press, 2022. 128 p.
27. Kossak S.M. Meditation, Monks, and Mountain Spirits: Buddhist Art in Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2019. 168 p.
28. Malinowski P. The Art of Mindfulness: Integrating Eastern Contemplative Practices into Western Psychology. Journal of Contemplative Inquiry. 2022. Vol. 9. № 1. P. 45 – 67.
29. Mithen S. The Prehistory of the Mind: The Cognitive Origins of Art and Science. London: Thames & Hudson, 2021. 288 p.
30. Panofsky E. Studies in Iconology: Humanistic Themes in the Art of the Renaissance. 2nd ed. New York: Routledge, 2022. 264 p.
31. Schäfer H. Principles of Egyptian Art. 4th ed. Oxford: Griffith Institute, 2020. 488 p.
32. Smith J.R. Monumental Sculpture of the Ancient Near East: Ritual and Political Functions. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 276 p.
33. Stockhammer P.W. Conceptualizing Cultural Hybridization: A Transdisciplinary Approach. Heidelberg: Springer, 2019. 234 p.

34. Trigger B.G. A History of Archaeological Thought. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 710 p. (a)
35. Trigger B.G. Understanding Early Civilizations: A Comparative Study. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 510 p. (b)
36. Winter D.N. Interdisciplinary Methods in Art-Historical Research: Theoretical Foundations and Practical Applications. Oxford: Oxford University Press, 2021. 328 p.

References

1. Veltistov M. Pictures of the Changing World of Ukiyo-e. Art at School. 2018. No. 6. P. 39 – 43.
2. Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Yu., Lebedintsev A.I., Malyarchuk B.A. Ancient Cultures of the Far North-East of Asia and Ethnogenetic Reconstructions. Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies. 2019. No. 2 (24). P. 110 – 136.
3. Demidchik A.E. Maat – the Ethics of the Prudent. The Road of Science: A Collection of Articles in Honor of the 80th Anniversary of Academician M.B. Piotrovsky: Coll. Art. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky, 2024. P. 295 – 317.
4. Zhukova L.E. Philosophy of the Bhagavad Gita in the Conversations of Shri Rajneesh (Osho). Bulletin of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov. Series: Social and Humanitarian Sciences. 2020. No. 4 (28). P. 58 – 71.
5. Kovalenko E.Ya. Specifics of the Management Culture of the Ancient East. Academy. 2018. No. 9 (36). P. 49 – 50.
6. Kuznetsova N.V. Buddhism and Zen Buddhism – the Transformation of Buddhist Ideas during Zen Buddhism. Culture. Spirituality. Society. 2013. No. 4. P. 80 – 84.
7. Liu Q. Xu Beihong in the History of Chinese Landscape Painting and Chinese Art Education. Decorative Art and Subject-Spatial Environment. Bulletin of the Russian State University of Art and Culture named after S.G. Stroganov. 2020. No. 3-1. P. 234 – 245.
8. Liu Yang. The Influence of Eastern Philosophy on Chinese National Painting. Bulletin of the Kazakh State University of Culture and Arts. 2018. No. 1. P. 88 – 92.
9. Ovchinnikova A.V., Golosay A.V. Utagawa Hiroshige – an Artist of Rain, Snow, and Fog. XXI All-Russian Student Scientific and Practical Conference of Nizhnevartovsk State University: Coll. Art. Conf., Nizhnevartovsk, April 2-3, 2019. Ed. D.A. Pogonyshev. Part 3. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University, 2019. P. 215 – 218.
10. Orlova E.G. On the Influence of the Vimalakirti Nirdeśha Sutra on the Works of Wang Wei. Problems of Literatures of the Far East: Proceedings of the X Intern. Scientific Conf., St. Petersburg, June 30 – July 2, 2022. St. Petersburg: SPbU Publishing House, 2023. P. 229 – 237.
11. Reunov Yu.S. A Hero Under the Walls of the Fortress: On the Issue of Visual Representation of Ramesses II in the Battle of Kadesh. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Philosophy. Sociology. Art Criticism». 2024. No. 1. P. 76 – 87.
12. Titarenko I.N. History of Ancient Eastern Culture: A Study Guide. Taganrog: TTI SFedU Publishing House, 2010. 222 p.
13. Schneider, V.F., Talalueva, T.A. Modern Aspects of C.G. Jung’s Theory of Personality. The Symbol of Science. 2021. No. 10-2. pp. 72–75.
14. Jung, K.G. Psychology and Alchemy: Trans. from English by S.L. Udovik. Moscow: REFL-book: Wackler, 1997. 592 p.
15. Yang Wenlu Interaction of Secular and Religious Aspects in Chinese Sculpture of the Northern Wei Period. Bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture. 2025. No. 63. P. 45 – 53.
16. Arnheim R. Art and Visual Perception: A Psychology of the Creative Eye. 2nd ed. Berkeley: University of California Press, 2020. 508 p.
17. Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 308 p.
18. Campbell J. The Masks of God: Primitive Mythology. New York: Penguin Books, 2022. 504 p.
19. Dissanayake E. Art and Intimacy: How the Arts Began. Seattle: University of Washington Press, 2020. 268 p.
20. Donald M. Origins of the Modern Mind: Three Stages in the Evolution of Culture and Cognition. Cambridge: Harvard University Press, 2022. 424 p.

21. Eliade M. The Sacred and the Profane: The Nature of Religion. Revised ed. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 2020. 256 p.
22. Fischer E. Art Against Ideology: The Role of Artistic Conventions in Traditional Societies. London: Routledge, 2021. 312 p.
23. Frankfort H. Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature. Chicago: University of Chicago Press, 2018. 444 p.
24. Gombrich E.H. The Sense of Order: A Study in the Psychology of Decorative Art. 3rd ed. London: Phaidon Press, 2019. 432 p.
25. Hogenson G.B. The Archetypal Nature of the Collective Unconscious: Contemporary Perspectives. London: Routledge, 2021. 192 p.
26. Jung C.G. Mandala Symbolism. Princeton: Princeton University Press, 2022. 128 p.
27. Kossak S.M. Meditation, Monks, and Mountain Spirits: Buddhist Art in Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2019. 168 p.
28. Malinowski P. The Art of Mindfulness: Integrating Eastern Contemplative Practices into Western Psychology. Journal of Contemporary Inquiry. 2022. Vol. 9. No. 1. P. 45 – 67.
29. Mithen S. The Prehistory of the Mind: The Cognitive Origins of Art and Science. London: Thames & Hudson, 2021. 288 p.
30. Panofsky E. Studies in Iconology: Humanistic Themes in the Art of the Renaissance. 2nd ed. New York: Routledge, 2022. 264 p.
31. Schäfer H. Principles of Egyptian Art. 4th ed. Oxford: Griffith Institute, 2020. 488 p.
32. Smith J.R. Monumental Sculpture of the Ancient Near East: Ritual and Political Functions. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 276 p.
33. Stockhammer P.W. Conceptualizing Cultural Hybridization: A Transdisciplinary Approach. Heidelberg: Springer, 2019. 234 p.
34. Trigger B.G. A History of Archaeological Thought. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 710 p. (a)
35. Trigger B.G. Understanding Early Civilizations: A Comparative Study. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 510 p. (b)
36. Winter D.N. Interdisciplinary Methods in Art-Historical Research: Theoretical Foundations and Practical Applications. Oxford: Oxford University Press, 2021. 328 p.

Информация об авторе

Реунов Ю.С., кандидат искусствоведения, SPIN-код: 7897-3229, Центр египтологических исследований Российской академии наук, yury.reunov@gmail.com